

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.В. Хряков

**«КОРИЧНЕВЫЕ КОРНИ»
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
В ГЕРМАНИИ: «ИСТОРИЯ НАРОДА»
И НЕМЕЦКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ**

Препринт WP6/2014/01

Серия WP 6

Гуманитарные исследования

Москва

2014

УДК 930(430)
ББК 63.3(4Гем)
Х97

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

X97 **Хряков, А. В.** «Коричневые корни» социальной истории в Германии: «история народа» и немецкий национализм [Текст] : препринт WP6/2014/01 / А. В. Хряков ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 40 с. – (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). – 100 экз.

В работе рассматриваются дебаты, развернувшиеся в современной немецкой историографии по вопросу о поведении ряда немецких историков в годы существования нацистской Германии, их отношении к национал-социализму. Главное внимание сосредоточено на предполагаемой связи социальной истории с таким исследовательским направлением первой половины XX в. как «история народа». После 1945 г. многие ученые, работавшие в рамках данного подхода, приняли активное участие в формировании западногерманской социальной истории.

УДК 930(430)
ББК 63.3(4Гем)

Khryakov, A. V. “Brown roots” of the social history in Germany: “folk history” and German nationalism [Text] : Working paper WP6/2014/01 / A. V. Khryakov ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. – 40 p. – (Series WP6 “Humanities”). – 100 copies. (In Russian.)

This article is devoted to discussions in the modern German historiography about the positions of some German historians to the national-socialism in Nazi time. An assumed connection between social history and “folk history” in the first half of the XX century is the main subject of analysis in the article. Many historians, who had worked in this field, took an active part in the creation of the social history in West Germany after the Second World War.

Хряков Александр Васильевич – кандидат исторических наук, преподаватель факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), докторант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Хряков А. В., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

Дебаты, развернувшиеся в последнее десятилетие в немецкой исторической науке вокруг темы «историки и национал-национализм», в очередной раз способствовали актуализации проблемы взаимодействия науки и политического контекста, его влияния не только на внешние условия существования ученых, но и на формирование и функционирование новых научно-исследовательских дисциплин и продуцируемое ими знание¹. Историки Германии прошли в понимании этого вопроса довольно значительный путь: от традиционного восприятия науки как независимого индивидуально организованного творчества, которое не терпит постороннего вмешательства извне, до современного взгляда на науку как открытую, динамично развивающуюся систему, которая не только реагирует на внешние раздражители, но и сама способна становиться активным участником событий. Историко-научные исследования последних лет показали, что не только власть использует ученых-историков, их «символический ресурс», но и сами историки могут использовать данные ресурсы как для становления собственной карьеры, так и для продвижения дисциплины в целом. Во многом это понимание стало возможным благодаря многочисленным дискуссиям и спорам, сопровождавшим западногерманскую историографию на всем протяжении ее непродолжительной истории.

За истекшие после победы над фашизмом годы тема положения историков при национал-социализме всплывает уже в третий раз. Впервые вопрос отношения немецкой исторической науки к приходу фашистов к власти и о роли самих историков в «немецкой катастрофе» возник сразу же после окончания войны. Оккупационные власти требовали проведения процесса денацификации, что предполагало выяснение, прежде всего, формального отношения к нацизму. Главный вывод, который был сделан в ходе этого процесса и с которым все согласились, – немецкие историки, за исключением отдельных маргиналов, оказались не затро-

¹ В основу данного текста лег доклад, прочитанный автором на заседании научного семинара «Границы истории» исторического факультета Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики. Автор выражает признательность всем участникам семинара и лично декану исторического факультета А.М. Семенову за доброжелательное отношение и ценные замечания.

нуты вирусом нацизма, а сохранили верность объективной науке, уйдя во внутреннюю эмиграцию².

Уже в начале 60-х гг. XX в. данная позиция подверглась критике и назрела необходимость ее корректировки. Началом второго этапа мы обязаны прежде всего новому поколению историков, получивших образование уже после Второй мировой войны, а также широкой массе немецкого студенчества. Именно они общими усилиями подняли вопрос о роли собственных университетов в политической жизни времен Третьего рейха. Борьба с так называемым «беспомощным антифашизмом» (когда преподаватели сознательно избегали разговоров о Гитлере и своем поведении в те годы), стала одним из моторов знаменитой весны 1968 г. в Западной Германии³.

Для нового этапа, начавшегося в 90-е гг. XX в., поворотным пунктом стал состоявшийся во Франкфурте в 1998 г. Съезд союза немецких историков, на котором проблема поведения историков в годы фашизма стала центральной. С тех пор острые общественно-политические и научно-исторические дебаты разворачиваются вокруг трех тесно связанных между собой тем. Во-первых, речь идет о поведении отдельных представителей исторического цеха в период господства нацистской диктатуры. Публикации новых источников поставили вопрос не просто об общности и родстве мировоззренческих установок немецких историков и национал-социалистической расовой идеологии. Сегодня отдельным немецким историкам предъявлено обвинение в подготовке, оправдании и прямом участии в массовом убийстве, так называемом «Холокосте». Они не просто исторически «легитимировали» Третий рейх, увязывая его с предшествующей национальной историей, но в качестве ученых-экспертов, своего рода «интеллектуальных предшественников уничтожения» (*Vordenker der Vernichtung*), способствовали планированию и осуществлению преступных замыслов фашистов⁴.

² Ritter G. Der deutsche Professor im «Dritten Reich» // *Gegenwart*. 24.12.1945; Rothfels H. Die Geschichtswissenschaft in den dreißiger Jahren // *Deutsches Geistesleben und Nationalsozialismus* / Hrsg. von A. Flitner. Tübingen: Reiner Wunderlich, 1965. S. 90–107.

³ Haug W.-F. Der hilflose Antifaschismus. Zur Kritik der Vorlesungsreichen über Wissenschaft und Nationalsozialismus an deutschen Universitäten. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1967; Heiber H. Walter Frank und sein Reichsinstitut für Geschichte des neuen Deutschland. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt, 1966; Werner K.-F. Das NS-Geschichtsbild und die deutsche Geschichtswissenschaft. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz: W. Kohlhammer, 1967.

⁴ Aly G., Heim S. *Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung*. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1991; Aly G. *Rückwärtsge-*

Во-вторых, современный спор коснулся вопроса становления новой западногерманской историографии. Насколько она была связана со своим прошлым, насколько сильным был институциональный и персональный континуитет после 1945 г.? Существовал ли «заговор умолчания» историков и их учеников с целью скрыть и придать забвению нацистское прошлое учителей? Этот аспект дискуссии стал необычайно актуальным после придания огласке так называемого «казуса Шнайдера / Шверте», случая, когда немецкий германист профессор Ганс Шверте в течение полувека, начиная с 1945 г., скрывал свое настоящее имя – Ганс Шнайдер – и свое эсэсовское прошлое. Его успешная послевоенная карьера была бы невозможна без молчания его бывших и нынешних коллег по профессиональному сообществу⁵.

Наконец, в-третьих, спор затронул не только отдельных историков, но и целые исследовательские направления, и прежде всего «социальную историю», родоначальниками которой в Германии называют Вернера Конце и Отто Бруннера, а современными протагонистами считают Юргена Кокку и Ганса-Ульриха Велера. Данная сторона спора связана с более общей проблемой модернизаторских возможностей гитлеровского режима. Признавая определенные недостатки историографии 1930–1940-х гг., некоторые немецкие историки настаивают на признании новаторского характера многих положений, выработанных исторической наукой в период господства Третьего рейха, прежде всего в рамках так называемой «истории народа» (Volksgeschichte).

Мы рассмотрим лишь один аспект современного спора⁶. Предметом нашего интереса станут «история народа» и дискуссии немецких историков о ее связи с социальной историей – одним из ведущих интеллек-

wandte Propheten. Willige Historiker – Bemerkung in eigener Sache // Aly G. Macht, Geist, Wahn – Kontinuitäten deutschen Denkens. Berlin: Argon, 1997; Ebbinghaus A., Roth K.-H. Vorläufer des «Generalplans Ost». Eine Dokumentation über Theodor Schieders Polendenkschrift vom 7. Oktober 1939 // 1999. Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts. 1992. 7. Jg. S. 62–94.

⁵ Более подробно об обстоятельствах «казуса Шнайдера / Шверте» см.: Leggewie C. Von Schneider zu Schwerte. Das ungewöhnliche Leben eines Mannes, der aus der Geschichte lernen wollte. München, Wien: Carl Hanser, 1998; Vertuschte Vergangenheit. Der Fall Schwerte und die NS-Vergangenheit der deutschen Hochschulen / Hrsg. von H. König, W. Kulmann, K. Schwabe. München: Beck, 1997.

⁶ Подробнее о современных дебатах среди немецких историков см.: Хряков А.В. «Историки при национал-социализме»: жертвы, попутчики или преступники? (к оценке современных дебатов в немецкой исторической науке) // Новое литературное обозрение. 2005. Вып. 74. С. 57–76.

туальных направлений Германии второй половины XX в. Своим возникновением и быстрой институционализацией в академическом пространстве Западной Германии социальная история обязана тем историкам, чей путь в науку начался в годы Третьего рейха в рамках учреждений, связанных с «историей народа». Именно эта связь и заставила говорить о «коричневых корнях» социальной истории.

На сегодняшний день достаточно четко просматриваются три подхода к решению проблемы персональной и интеллектуальной преемственности в среде немецкого сообщества историков. Первая точка зрения была сформулирована еще в начале 1990-х гг. и долгое время интересовала лишь узкий круг научной общественности. Современные историки Винфрид Шульце и Вили Оберкромме предложили различать национал-социалистическую ангажированность историков и инновационное содержание их работ, написанных в годы нацистской диктатуры в рамках «истории народа», методологические новации, приведшие в итоге к возникновению социально-структурной истории в ее современном виде⁷.

Их оппоненты считают, что «отцы-основатели» западногерманской историографии, и прежде всего В. Конце, О. Бруннер, Г. Аубин, вследствие своей политической ангажированности в годы нацистской диктатуры серьезно себя дискредитировали, и вся их послевоенная деятельность, а значит и сформулированные ими новые методологические основания, подлежат осуждению. Согласно их логике, современная «историческая социальная наука», вышедшая из ранней западногерманской социальной истории и представленная такими именами, как Юрген Кокка и Ганс Ульрих Велер, также находится в тени одиозной «истории народа». Один из сторонников данного подхода, Михаэль Фальбуш, так выразил собственное отношение: «Кто идет по коричневым стопам своих предшественников, тот не оставляет собственных следов»⁸. Карл Хайнц

⁷ Schulze W. Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945. München: Oldenbourg, 1989. S. 281–301; Schulze W. Der Wandel des Allgemeinen. Der Weg der deutschen Historiker nach 1945 zur Kategorie des Sozialen // Teil und Ganzes / Hrsg. von K. Acham, W. Schulze. München: Deutsche Taschenbuch Verlag, 1990. S. 193–216; Oberkrome W. Volksgeschichte: methodische Innovation und völkische Ideologisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918–1945. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1993; Oberkrome W. Reformansätze in der deutschen Geschichtswissenschaft der Zwischenkriegszeit // Nationalsozialismus und Modernisierung / Hrsg. von M. Prinz und R. Zitelmann. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. S. 216–238.

⁸ Fahlbusch M. Die Tragödie der Sozial- und Zeitgeschichte: Wer in die brauen Fußstapfen seiner Vorgänger tritt, hinterlässt keine eigenen Spuren [Электронный ресурс] // Artikel:

Рот⁹, Петер Шёттлер¹⁰, Инго Гаар¹¹, обратившиеся в последнее время к деятельности немецких историков на оккупированных территориях как на Востоке, так и на Западе Европы, оспаривают наличие какого-либо инновационного содержания в работах представителей «истории народа». Они понимают новации как вклад в «прогресс человеческой цивилизации» и считают невозможным осуществить разделение аморальных политических целей и научных методов.

Рейнхард Козеллек, а также ряд американских авторов, соглашаясь, в общем и целом, с первой «континуальной» позицией, вносят в нее определенные коррективы. Не считая возможным разделять новационное содержание многих исторических работ 30–40-х гг. XX в. и общественно-политический контекст их возникновения, Р. Козеллек заявляет, что многие из этих работ являются «хорошим примером» того, как «политически обусловленные познавательные интересы могут привести к теоретически и методически новым взглядам, которые переживут их исходную ситуацию»¹².

Надо признать, что мышление в категориях «континуитета», вне зависимости от знака оценки, страдает рядом недостатков и, прежде всего,

Die Tragödie der Sozial- und Zeitgeschichte: Wer in die braunen Fußstapfen seiner Vorgänger tritt, hinterlässt keine eigenen Spuren <<http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/beitrag/essays/fami0499.htm>> (дата обращения: 19.01.2014).

⁹ Roth K.H. Heydrichs Professor. Historiographie des «Völkstums» und Massenvernichtungen: Der Fall Joachim Beyer // *Geschichtsschreibung als Legitimations. Wissenschaft 1918–1945* / Hrsg. von P. Schöttler. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997. S. 262–342.

¹⁰ Schöttler P. Versäumte Fragen – aber welche? Die deutsche «Historikerzunft» und ihre dunkle Vergangenheit // *Historisches Denken und gesellschaftlicher Wandel. Studien zur Geschichtswissenschaft zwischen Kaiserreich und deutscher Zweistaatlichkeit* / Hrsg. von T. Kaiser, St. Kaudelka, M. Steinbach. Berlin: Metropol, 2004. S. 125–147.

¹¹ Haar I. «Kämpfende Wissenschaft». Entstehung und Niedergang der völkischen Geschichtswissenschaft im Wechsel der Systeme // *Deutsche Historiker im Nationalsozialismus* / Hrsg. von W. Schulze und O.G. Oexle. Frankfurt am Main: Fischer, 1999; Haar I. *Historiker im Nationalsozialismus*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2000.

¹² Koselleck R. *Sozialgeschichte und Begriffsgeschichte // Sozialgeschichte in Deutschland. Entwicklungen und Perspektiven im internationalen Zusammenhang* / Hrsg. von W. Schieder und V. Sellin. Bd. 1. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1986. S. 108. Anm. 4. Русский перевод см.: Козеллек Р. Социальная история и история понятий // *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сборник научных работ*. СПб.: Алетейя, 2006. С. 36. Прим. 4; Van Melton J.H. From Folk History to Structural History. Otto Brunner (1898–1982) and the Radical-Conservative Roots of German Social History // *Paths of Continuity. Central European Historiography from the 1930s to the 1950s* / ed. by J.H. Van Melton and H. Lehmann. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. S. 263–292.

подчеркиванием кумулятивистского принципа развития науки. На передний план здесь выдвигается преемственность, линейность, векторность развития, и именно этот аспект действительности постоянно обнаруживается многими современными авторами в работах своих предшественников. При таком подходе изменение историографического ландшафта Германии понимается достаточно упрощенно как последовательная смена замкнутых научно-исторических парадигм: историзм – история народа – структурная история – социальная история – историческая социальная наука, развивавшаяся по имманентно присущим дисциплине законам. В одном из разделов своей книги «Апология истории» великий французский историк Марк Блок предостерегал всех искателей преемственности или, как он выражался, «идола истоков», когда «к какому бы роду человеческой деятельности ни обращалось исследование, искатель истоков подстерегает все то же заблуждение: смешение преемственной связи с объяснением»¹³.

Не считая прежний взгляд на развитие исторической науки убедительным, сегодня маятник качнулся в сторону персональной и институциональной истории дисциплины, ее социально-политической ориентации. Представляется, что генеалогия историографических течений намного сложнее, чем думалось раньше. По всей видимости, история историописания должна быть представлена не как последовательная смена следующих друг за другом «парадигм», а иначе. Скорее всего, развитие исторической науки определяется не только преемственностью, но и прерывистостью, не только «континуитетом», но и «цезурой», параллельным сосуществованием различных парадигм, а также их борьбой за общественное признание и капитал. Современная история и социология науки концентрируют внимание не столько на готовом для потребления обществом знании, сколько на моментах его зарождения, становления и на моментах конкурентной борьбы со старым знанием, рассматривая при этом их в контексте культурных и социальных условий жизни¹⁴. Только такой подход способен описать, как возникла и эволюционировала та

¹³ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. С. 22.

¹⁴ Weber W. *Priester der Klio. Historisch-sozialwissenschaftliche Studien zur Herkunft und Karriere deutscher Historiker und zur Geschichte der Geschichtswissenschaft 1800–1970.* Frankfurt am Main, Bern, New York, Paris: Lang, 1987; Wagner P. *Sozialwissenschaften und Staat. Frankreich, Italien, Deutschland 1870–1980.* Frankfurt am Main: Campus, 1990; Raphael L. *Geschichtswissenschaft im Zeitalter der Extreme. Theorien, Methoden, Tendenzen von 1900 bis zur Gegenwart.* München: Beck, 2003.

или иная научная школа или новая концепция, каким путем и какими средствами она вошла в мировую историографию или, напротив, не вошла.

«История народа» зародилась в Германии в 20-е гг. XX в. в рамках националистического движения фелькише и в непосредственной близости к национал-социалистической идеологии, а основными исследовательскими категориями для нее были «народ», «раса», «почва»¹⁵. Хотя понятия «раса» и «народ» являлись для немецкой исторической науки центральными на протяжении первой половины XX в., немецкая историография долгое время уклонялась от детального анализа данных категорий. Вместо них послевоенные немецкие историки фокусировали свое внимание на партийно-политической расстановке сил в Веймарской республике и деятельности правительства как базисных элементах общественно-политического устройства.

История употребления в немецком языке слова «народ» (Volk) доказывает, что приписываемое тому или иному понятию содержание может различаться не только в пространстве (например, у французов и немцев), но и быть исторически изменчивым, как утверждает немецкое направление «история понятий». Употребление слова «народ» в немецком языке принципиально отличается от его значения в других европейских традициях. Народ в немецком понимании XIX – начала XX вв. являлся величиной метафизической, возвышающейся над отдельными субъектами и независимой от них. Это кардинально отличало немецкое понимание нации от французского, в основе которого лежала теория общественного договора. Политическое определение нации достаточно емко сформулировал французский историк Эрнест Ренан, заявивший, что нация – это «ежедневный плебисцит». К тому же в Германии вследствие того, что места расселения немцев никогда не совпадали с государственными границами, народ всегда понимался как величина негосударственная.

Являясь первоначально полным синонимом слова «нация», после походов Наполеона и освободительной войны 1813–1814 гг. понятие «народ» стало воплощением неприязни в отношении всего французского. Поддержав изначально Французскую революцию и провозглашенное ею

¹⁵ Hettling M. Volk und Volksgeschichte in Europa // Volksgeschichten im Europa der Zwischenkriegszeit / Hrsg. von M. Hettling. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2003. S. 7–38.

право народа на суверенитет и формирование государственной нации, немцы в итоге пришли к неприятию всего французского, в том числе и понятия «нация» в ее французском варианте.

Один из основателей «истории понятий», уже упоминавшийся Р. Козеллек, охарактеризовал немецкое понятие «народ» как «компенсационное понятие» (*Kompensationsbegriff*)¹⁶. Походы Наполеона, приведшие к крушению Священной Римской империи, а также Венский конгресс, закрепивший *status quo* в Европе, фактически лишили немцев возможности стать единой политической (государственной) нацией. Как раз «компенсируя» это, они использовали понятие «народ» для подчеркивания внесударственной и вневременной сущности собственного этноса, обладающего совершенно особыми эссенциалистскими чертами (*Volkstum*). Подобное культурное, негосударственное понимание народа сохранялось на протяжении почти всего XIX в. По мере развития понятие обогащалось различными коннотациями; народ стал восприниматься не только как культурно-языковая общность, но также как общность происхождения, как историческое и, наконец, как природное единство. Как раз для обозначения данного природного единства к концу XIX в. все чаще стали употреблять слово «раса».

Переворот в словоупотреблении связан с таким явлением общественной жизни вильгельмовской Германии, как движение фелькише. В последней трети XIX в. прилагательное фелькиш (*völkisch*), образованное от слова «*Volk*» (народ), стало восприниматься националистическими и антисемитскими кругами Германии как альтернатива уже существовавшему в языке, но воспринимаемому негативно слову «*national*» (национальный). В данном случае речь шла не о простой замене одного слова на другое, а о принципиальной смене значения, в результате чего «фелькиш» стало обозначать не «национальный», а нечто совершенно иное, чему в других языках нет прямых аналогов¹⁷. Сам термин означает специфическую форму национализма, основанную на признании приоритета кровной близости. Тот же самый смысл имеет и выражение

¹⁶ Volk, Nation, Nationalismus, Masse // *Geschichtliche Grundbegriffe* / Hrsg. von R. Koselleck. Bd. 7. Stuttgart: Klett-Cotta, 1992. S. 149.

¹⁷ Для русских читателей эта проблема усугубляется тем, что наиболее очевидным переводом слова «*völkisch*» является слово «народничество», которое в русской истории связано с явлением совершенно иного рода. Поэтому в качестве перевода употребляют термин «этнический национализм», но в последнее время чаще всего употребляют транслитерацию «фелькиш» с производными от него прилагательными.

«этнический национализм», противопоставляемый национализму государственнического типа.

Поражение в Первой мировой войне привело к повсеместному использованию понятия «народ» в весьма узком материалистическом и даже этнобиологическом расовом значении. Этому способствовали два фактора. Во-первых, крушение государств в Германии и Австрии. Во-вторых, возникшее напряжение между государственным порядком и территорией расселения немцев. На сей раз это понятие опять обещало компенсировать, т.е. вернуть то, что было потеряно в результате поражения и Версальского мира. Как и в XIX в. народ выступал в качестве средства для достижения целей территориального единства и политического величия.

Понятие «фелькиш» иногда используется как зонтичное для характеристики всего спектра антилиберального националистического лагеря правых в Германии в первой трети XX в.¹⁸ Согласно этому «широкому» пониманию, фелькиш также включает в себя те течения, которые отличались от собственно «движения фелькише» в «узком» смысле, возникшего на рубеже веков как особый спектр и самоназвание для отдельной группы внутри правого экстремизма¹⁹. Из-за большой гетерогенности и изменчивости границ внутри праворадикального спектра Германии очень тяжело определить своеобразие и специфические признаки движения фелькише. Эта проблема осознавалась уже самими сторонниками движения и вплоть до сегодняшнего дня считается серьезной: что понимать под понятием «фелькиш» и кого можно относить к движению фелькише²⁰.

Большинство историков рассматривали фелькише несколько урезанно, как националистическое движение, проложившее путь национал-социалистам во главе с Гитлером. Немецкие правые начала XX в. (и движение фелькише в особенности) исходили из эксклюзивного характера народа и комбинировали его с зарождающейся расистской идеологией, в их работах границы между понятиями «народ», «нация» и «раса» стре-

¹⁸ В подобном «широком» смысле это слово употребляет Пьер Бурдьё. См.: Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / пер. с франц. А. Бикбова. М.: Практикс, 2003.

¹⁹ Handbuch zur «Völkischen Bewegung» 1871–1918 / Hrsg. von U. Puschner, W. Schmitz, J.N. Ulbricht. München, New Providence, London, Paris: K.G. Saur, 1996. S. IX–XXIII.

²⁰ Руткевич А.М. Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции»: Препринт WP6/2007/02. М.: ГУ ВШЭ, 2007. С. 14.

нительно стирались. Если слово «фелькиш» и употреблялось в качестве синонима национального и этнического, то всегда в смысле расового национализма, так как расизм стал центральным элементом этого мировоззрения.

Для оформления подобных теорий националистические авторы смогли использовать богатые традиции расовых спекуляций в естественных и гуманитарных науках. Они ссылались преимущественно на так называемый «научный расизм» (евгеника), т.е. на расоантропологические и расогигиенические исследования, авторы которых сами нередко были связаны с движением фелькише. Здесь, наряду с верой в особую ценность собственной расы, существовала гипотеза о постоянной угрозе количественных и качественных потерь от чрезмерно растущего расового смешения. С этими «аксиомами» фелькишской мысли были связаны разнообразные концепции евгенического «улучшения» расовой природы человека, призванные создать здоровое национальное и расовое тело.

В идеологии фелькише раса не была исключительно биологической величиной, фиксирующей чисто антропологические или генетические признаки; раса означала также идеальную сущность или даже метафизическую категорию. В основе понимания расы уже изначально лежали интеллектуальные спекуляции относительно сущности, происхождения и истории языка, народа и культуры, чьи внутренние характеристики и признаки соответствовали внешним и так же, как последние, передавались по наследству. Благодаря этой неразрывной смеси естественнонаучных и гуманитарных спекуляций расизм смог стать всеобъемлющим мировоззрением, с помощью которого пытались интерпретировать все без исключения социальные и исторические явления²¹.

Значение фелькишского движения для истории Германии первой половины XX в. находится не столько в организационной сфере, включавшей многие сотни объединений, сколько в популяризации тех теорий и мифологем, которые стали частью такого же гетерогенного национал-социалистического мировоззрения²². Немецкий исследователь Райнер

²¹ Шнирельман В.А. «Порог толерантности». Идеология и практика нового расизма. М.: НЛЮ, 2011. Т. 1. С. 15–43.

²² Puschner U. Germanenideologie und völkische Weltanschauung // Zur Geschichte der Gleichung «germanisch-deutsch». Sprache und Namen, Geschichte und Institutionen / Hrsg. von H. Beck, D. Geuenich, H. Steuer und D. Hakelberg. Berlin, New York: Gruyter, 2004. S. 104.

Киппер сформулировал идеальный тип мировоззрения фелькише, состоящий из четырех элементов²³. Во-первых, это выделение «этнической общности». Она может пониматься как культурно, так и расово-биологически и является определяющим критерием для характеристики общественной группы. Такие явления, как государство, классы или же религия, являются вторичными и зависят от «этнической общности». Второй пункт предполагает признание природного и неисторичного характера народа, что ведет к принципиально статичному пониманию истории. Существующий в истории динамизм определяется антагонизмом между народами. Отдельные народы, находящиеся друг с другом в состоянии конкуренции, понимаемой с позиций социал-дарвинизма, являются главными субъектами и двигателями исторического процесса. Третья характеристика мышления фелькише находится в плоскости отдельного индивида. Сила культурных, социальных или политических влияний, исходящих от окружающего мира, практически никак не воздействует на отдельных людей. Скорее личность воспринимается как часть «народного тела», а ее характеристики определяются этническими качествами всего народа. Четвертый пункт предполагает дифференцированную оценку и иерархию различных этносов. В результате мы получаем образ истории, ориентирующийся на национальную конкуренцию и выступающий залогом агрессивного потенциала идеологии фелькише.

Еще в 60-е гг. XX в. американский историк Джордж Мосс указал на гигантское влияние националистической идеологии фелькише на разнообразные стороны немецкой культуры рубежа XIX–XX вв.²⁴ Но долгое время это влияние фелькише на музыку, искусство, архитектуру воспринималось как маргинальное явление, связанное прежде всего с распространением кризисных явлений в сфере культуры, то есть находящееся вне ученой сферы. Наука воспринималась как свободная от данных националистических идей, тем более что немецкая историография имела репутацию «эталонной», следующей заветам великого Ранке всегда изображать историю «какой она была на самом деле», без гнева и пристрастий.

Чтобы данная националистическая идеология стала респектабельной и была принята не только массовым движением, но и академическим сообществом, потребовалась небольшая армия академиков, культурных ор-

²³ Kipper R. *Der Germanenmythos im Deutschen Kaiserreich*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2002. S. 17–18.

²⁴ Mosse G.L. *The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich*. New York: Grosset and Dunlap, 1964.

ганизаций и научных структур, озабоченных желанием определить и описать «немецкую расу и нацию». Возникло массовое научное предприятие под названием «история народа», которое перевело националистический дискурс в академическую терминологию, а стимулом к этому послужили кризис Модерна, крушение в итоге Первой мировой войны кайзеровской Германии и Габсбургской монархии и внешняя политика властей Веймарской республики, направленная на ревизию Версальских соглашений.

Неприятие современности с ее быстрорастущей социальной дифференциацией, эмансипацией женщин и евреев, возникновением массового общества, разрушением традиций и прежнего социального единства, являлось культурной основой движения фелькише. Но само по себе ощущение кризиса не требовало систематической научно-политической критики имевшихся категорий понимания и описания общества. Для формирования новых академических подходов, базирующихся на совершенно иных концептуальных основаниях, необходимо было поставить под сомнение саму способность традиционной науки преодолеть духовный кризис современности, сделать науку прошлого не просто частью негативных изменений, но возложить на нее долю ответственности за происходящее. Буржуазно-либеральное «разъединяющее мышление», господствовавшее в XIX в., было объявлено виновником не только взлета марксизма и роста рабочего движения, но и распада традиционного единства государства и общества, ослабления их интеграционной силы. Понятия «целостность», «единство», «общность» «тотальность» стали неотъемлемой частью националистического дискурса Германии 20–30-х гг. XX в., однако они также достаточно быстро заняли почетное место в общественно-политическом и научно-теоретическом словаре немецких гуманитариев: философов, социологов, историков. По свидетельству Теодора Адорно: «В предфашистской Германии целостность была девизом всех тех, кто отметал XIX в. как в общем и целом устаревший... В эпоху первой публикации “Бытия и времени” учение о первичности целого по отношению к частям как некий идеал приводило в экстаз все апологетическое мышление...»²⁵. Отныне «механистическому» дуализму государства и общества в качестве органической, одушевленной целостности противостоял народ, а на смену «формированию государства» как тра-

²⁵ Адорно Т.В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии / пер. Е.В. Борисов. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2011. С. 158.

диционного ядра немецкой историко-политической мысли всего XIX и первых десятилетий XX в. пришел новый парадигматический концепт – «становление народа» (*Volkswerdung*). Сила обоих концептов (народ и становление народа) находилась в их семантическом поле, способном интегрировать различные, подчас совершенно несхожие общественно-политические представления и течения – от разнообразных националистических групп движения фелькише до расистских утопий национал-социалистов.

Содержательная сторона этого подхода разрабатывалась в 20–30-е гг. XX в. на страницах таких журналов, как «Немецкие тетради по народным исследованиям» под редакцией Гюнтера Ипсена, «Народ в становлении» Эрнста Крика, «Зеркало народа», основанного Гансом Фрейером в сотрудничестве с Максом Бёмом и Максом Румпфом²⁶. При всех различиях, взгляды немецких авторов роднило восприятие народа через призму межэтнической борьбы и признание его изначальным органическим, еще не затронутым веяниями Нового времени идеальным родовым и культурным сообществом, сохранившим свою неизменную сущность и связь с собственной почвой. В их построениях «народ» занял то место, которое в позитивистской науке прошлого принадлежало «конституции» и «государству».

При таком восприятии народа в нем обнаруживались не только популярные представления о «целостном» и «изначальном», но и не менее востребованные в то время представления о «конкретном». Наиболее последовательным критиком буржуазно-либерального «разъединяющего мышления» был правовед Карл Шмитт (1888–1985), пожалуй, один из самых ярких и противоречивых интеллектуалов Веймарской Германии, не принявший либерально-демократические порядки и конституцию страны²⁷. По мнению Шмитта, кризис Веймарской конституции,

²⁶ Одну из первых попыток критики радикальных (как левых, так и правых) представлений об «общности» предпринял философ Гельмут Плеснер, см.: Plessner H. Grenzen der Gemeinschaft. Eine Kritik des sozialen Radikalismus // *Gesammelte Schriften*. Bd. IV. / Hrsg. von G. Dux, O. Marquard u.a. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981. S. 7–134.

²⁷ Литература о К. Шмитте поистине необозрима, назовем лишь некоторые работы, вышедшие в последнее время в России и Германии и знаменовавшие собой настоящий «Ренессанс Шмитта». См.: Филиппов А. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология: сборник / пер. с нем., закл. статья и сост. А. Филиппова. М.: Канон-пресс-Ц, 2000. С. 259–314; Laak van Dirk Carl Schmitt, ein Widergänger Weimars? // *Intellektuelle im Nationalsozialismus* / Hrsg. von W. Bialas, M. Gangl. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2000. S. 68–87; Кильдюшов О.

а вместе с ней и всей системы социально-политических отношений современной Германии, связан с тем, что в ее основе лежали нормы и понятия XIX в., выработанные в ходе Великой французской революции для совершенно иных целей – эмансипации гражданского общества по отношению к абсолютному государству. Выступая в роли лидера борьбы с юридическим «нормативизмом», олицетворяемым Гансом Кельзенем и его «теорией чистого права», Шмитт пишет: «В XIX в. вторая, имевшая меньшие последствия рецепция либерально-конституционного нормативизма отделила немецкое конституционно-правовое мышление от конкретной реальности внутригерманских проблем и исказила его до мышления о нормах “правового государства”»²⁸. Германии XX в., по его мнению, были навязаны совершенно неадекватные ее действительности представления о парламентаризме и демократии, приведшие к росту партикуляризма разнообразных партий, союзов, групп интересов, а в итоге к разрушению сильного государства.

Подчеркивая значимость основных понятий и утверждая их влияние на реальную жизнь, Шмитт требовал отказа от тех понятий, что были сформированы в рамках другого «горизонта опыта», и настаивал на использовании исключительно аутентичных понятий, выработанных конкретной действительностью. «Без постоянных, неизбежных и необходимых конкретных *предположений* не существует ни юридической теории, ни юридической практики. Однако эти правовые предположения возникают непосредственно из конкретных предпосылок ситуации и человеческого типа, рассматриваемых в качестве нормальных. Поэтому они отличаются как в зависимости от эпохи и народа, так и от видов юридического мышления»²⁹. В противовес децизионизму XVII в. и нормативизму XVIII в. Шмитт предлагает новый вид мышления: «Теперь необходимо конкретное мышление о порядке и формах, которое достойно многочисленных новых задач государственной, народной, хозяйственной и мировоззренческой ситуации и новых форм сообщества»³⁰. Немецкий правовед отказался от употребления любых универсальных принципов есте-

Между правом и политикой // Шмитт К. Государство. Право и политика / пер. с нем. и вступ. статья О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Территория будущего, 2013. С. 7–26.

²⁸ Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Шмитт К. Государство. Право и политика... С. 311.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 355.

ственного права, любых несуществующих абстракций, на которых строилась позитивистская наука XIX в. Только «конкретное», в отличие от «универсального» и вневременного, является реальным, и только оно может должным образом направлять политические действия.

Такие дихотомичные пары, как «государство – общество», «конституция – управление», «частное – публичное право», К. Шмитт заменил на «Рейх», «народ», «дом», «семья», «предприятие», «армия», «чиновничество» и многие другие, понимаемые как «конкретные порядки». Но само это понятие – «конкретные порядки» – не было четко определено и не имело однозначного смысла, главным в нем как раз и была неопределенность, которая сулила упразднение ненавистного «разъединяющего мышления» и снятие противоречий между такими противоположностями, как «природа» и «дух», «бытие» и «долженствование», «государство» и «общество» и т.д. В послевоенной Германии любые научные антитезы казались синонимами общественного раскола и деградации, их место в научно-политическом дискурсе заняли так называемые «снимающие противоречия понятия» (*gegensatzaufhebende Begriffsbildung*), термин, введенный немецким историком права Оливером Лепсиусом. И сам «конкретный порядок» как раз и является одним из таких «снимающих противоречия понятий». По мнению О. Лепсиуса, помимо содержательной неопределенности и эмоциональной нагруженности, подобного рода обороты существовали в двух плоскостях, не только в научной, но и в социально-политической. В этих «снимающих противоречия понятиях» имелся одновременно сильнейший стимул к соучастию, совместной деятельности по достижению общих целей³¹. В их употреблении проявлялись иррациональные мотивы поведения немецкой интеллектуальной элиты, мотивы совершенно не проговариваемые, но стремящиеся к практическому воплощению.

Пространственная укорененность «конкретного» народа в таком случае противостояла «абстрактному» территориальному космополитизму универсального человечества. Народ в качестве органической одушевленной сущности преодолевал «механистический» дуализм государства и общества, а конкретное историческое бытие народа обещало вернуть истории прежнюю «целостность» и «единство», воскресить забытый

³¹ Lepsius O. Die gegensatzaufhebende Begriffsbildung. Methodenentwicklungen in der Weimarer Republik und ihr Verhältnis zur Ideologisierung der Rechtswissenschaft im Nationalsozialismus. München: Beck, 1994.

в современном мире идеал «тотальности». Ориентация на синтезирующее понятие «народ» отныне связало некогда раздробленные социально-исторические поля исследований: региональной истории, аграрной социологии, социологии культурного пространства, медиевистики и понятийной истории с претензией уловить тотальность истории в ее конкретности, разнообразии и изначальности.

Особого внимания заслуживает связанный с понятием «народ» сдвиг исследовательского интереса, произошедший в историографии Германии, с внешней политики, доминировавшей в национальной историографии XIX в., к истории географического пространства. Старые подходы, ориентировавшиеся на исследование политико-дипломатических отношений суверенных государств, ничего не давали для ревизионистских претензий в отношении отторгнутых у Германии территорий. В рамках исторической парадигмы, где главными действующими субъектами выступали великие личности, а взаимоотношения стран друг с другом строились на признании суверенитета, вернуть потерянные земли не представлялось возможным – оставалось только сожалеть о «Версальском мире».

Нет нужды вдаваться в значение Версальского договора для истории послевоенной Германии, достаточно назвать лишь наиболее значимые символические потери страны по итогам Первой мировой войны. Немецкий рейх потерял 1/7 часть своих территорий и 1/10 часть населения. Эльзас-Лотарингия отходила к Франции; Саарская область переходила под мандат Лиги Наций; Бельгия подчинила себе округ Эйпен-Мальмеди. Возникло новое Польское государство, для связи которого с морем устанавливался так называемый «польский коридор», фактически отрывавший Восточную Пруссию от остальной части страны. Кроме того, согласно Версальскому договору, было запрещено объединение Германии и Австрии.

Одной из важнейших проблем того времени как в дипломатическом, так и научно-историческом дискурсе, стала проблема границ. Вместе с поражением Германского рейха в 1918 г. трансформирующиеся границы приобрели огромное политическое, идеологическое и символическое значение. Послевоенные события и поведение союзников способствовали утверждению мнения о границах, не как закрепляющих и гарантирующих нормальные отношения между соседями, а, напротив, как изменяемых и насильно навязанных. Пограничная территория стала восприни-

маться как пространство между соседями, в котором последняя битва еще не состоялась и последнее слово еще не сказано.

Понятия «пространство», «территория» стали ключевыми категориями для политического дискурса и всей «истории народа». Ключевые функции этих понятий, по мнению ахенского историка Томаса Мюллера, состояли в том, что «пространство» стало обозначать не «актуальный или исторически реальный регион», а как бы абстрактный уровень, возвышающийся над историческими и географическими структурами немецких и ненемецких регионов, расположенных по обе стороны немецкой границы³². Согласно Мюллеру, прежнее понимание границы как линии превратилось в понимание границы как пространства. Эта своеобразная концепция ставила под сомнение не только территориальную целостность государств, но и суверенитет ближайших соседей, конституируя совершенно новое поле для политической мысли и политического действия – пограничную политику. Основное внимание было приковано к бывшим немецким землям, расположенным по ту сторону немецкой государственной границы, в первую очередь во Франции на западе и Польше на востоке. Для данных ревизионистских целей «история народа» подходила гораздо больше, так как опиралась на понятие народа, неразрывно связанного со своей территорией.

Можно назвать несколько авторов, которым удалось разработать, обосновать и сделать такие актуальные политические понятия, как «немцы пограничья», «немцы зарубежья», «немецкая национальная почва» и «культурная почва», категориями научно-исследовательского анализа. Макс Хильдеберт Бём (1891–1968), философ и социолог, принадлежавший к ближайшему окружению Меллера ван ден Брука³³, свои представления о реорганизации национальных отношений в Европе развил еще в 1923 г. в работе «Европа ирредентизма»³⁴. Отталкиваясь от произошедшей после Первой мировой войны реорганизации европейского мира, он

³² Müller Th. Imaginierter Westen im das Konzept des «deutschen Westraums» völkischen Diskurs zwischen Politischer Romantik und Nationalsozialismus. Bielefeld: transcript, 2009. S. 9.

³³ Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Ein Handbuch. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. S. 406; Prehn U. «Volk» und «Raum» in zwei Nachkriegszeiten. Kontinuitäten und Wandlungen in der Arbeit des Volkstumsforschers Max Hildebert Boehm // Das Erbe der Provinz. Heimatkultur und Geschichtspolitik nach 1945 / Hrsg. von H. Knoch. Göttingen: Wallstein, 2001. S. 50–72.

³⁴ Boehm M.H. Europa Irredenta. Eine Einführung in das Nationalitätenproblem der Gegenwart. Berlin: Reimar Hobbing, 1923.

признал невозможным согласование границ государства и народа. Он предлагал создание центрально-европейской федерации, в которой немецкий Рейх, учитывая его демографическое, культурное, историческое и хозяйственное значение, должен играть роль ведущей и оборонительной силы.

В работе «Самостоятельный народ» (1932 г.) Бём предпринял попытку представить «народ» и родственные ему понятия «народное сообщество» и «народный дух» как политическую «сущностную определенность», независимую от проведенной границы, чья «национальная историчность» и «миссия» ведет к непрерывному развитию³⁵. Под народом он понимал органически растущее тело, которое находится под влиянием своего окружения и может это влияние усваивать и перерабатывать. Подобное понимание сути народа не предполагает обязательно того, чтобы линия границы государства была идентична границам территории, на которой расселены немецкие семьи. В данной традиции в основе понимания народа лежала идея территории, с которой у народа имеются крепкие связи.

Берлинский профессор географии Альбрехт Пенк (1858–1945) разработал такие основополагающие для «истории народа» понятия, как «национальная почва» и «культурная почва». Под национальной почвой Пенк понимал заселенные немцами территории, где можно «услышать немецкую речь и увидеть результаты немецкого труда»³⁶. Гораздо шире национальной почвы так называемая культурная почва, представляющая собой облагороженный и упорядоченный немцами в соответствии с определенным планом ландшафт. По словам Пенка, «культурная почва» – «это величайшее немецкое достижение», которое можно встретить повсеместно: в Восточной Европе и в Чили, в бразильских тропиках и на юге Африки. «Немецкая культурная почва это не результат особых географических или климатических условий», «она есть дело людей определенного склада, меняющих природу по своей воле». Так, например, Пенк распространял немецкую культурную почву вплоть до немецких поселений в Крыму, в Молдавии и на Волге³⁷. Отныне главным предметом исследо-

³⁵ Boehm M.H. Das eigenständige Volk. Volkstheoretische Grundlagen der Ethnopolitik und Geschichtswissenschaft. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1932.

³⁶ Penck A. Deutscher Volks- und Kulturboden // Volk unter Völkern. Bücher des Deutschtums. Bd. 1. Für den Deutschen Schutzbund / Hrsg. von K.C. von Loesch, A. Hillen Ziegfeld. Breslau: Ferdinand Hirt, 1925. S. 62.

³⁷ Ibid. S. 70.

ваний являлась не Германия в определенных политических границах, но германство, разбросанное не только в Европе, но по всему миру.

Сразу после подписания Версальского мира в Германии зародилось движение, охватывающее почти 2000 общественных организаций, которые стремились к пересмотру условий Версальского договора и тезиса о единоличной вине Германии. Изменившаяся международная обстановка способствовала возникновению уже в начале 20-х гг. XX в. многочисленных исследовательских центров, ориентированных на региональные исследования. Не случайно, что первые институты появились на берегах Рейна:

- Институт исторического регионоведения Рейнланда в Бонне;
- Научный институт Эльзаса-Лотарингии в Рейхе (Франкфурт-на-Майне);
- Институт франко-пфальцской истории и регионоведения (Гейдельберг);
- Алеманский институт (Фрайбург в Брейсгау).

Важной вехой в институциональном оформлении всех регионоведов стало создание в 1926 г. в Лейпциге «Фонда исследования национальной и культурной почвы» (Stiftung für deutsche Volks- und Kulturbodenforschung), который в 1931 г. превратился в «Фонд изучения этнических немцев» (Volksdeutschen Forschungsgemeinschaft)³⁸. Этот «мозговой трест» состоял из пяти регионально разделенных исследовательских сообществ (юго-восточногерманское, северо-восточногерманское, западное, альпийское, заокеанское) и объединял около 1000 ученых различных специальностей: историков, географов, лингвистов, демографов и др.³⁹ Главной задачей этих научных организаций было «научно исследовать вопросы, которые поднимает национальная борьба в немецких приграничных землях. Ее деятельность является частью обороны от чуждых нападков на немецкую национальную почву, и ее результаты должны служить не только науке, но и национальной жизни и потребностям пограничной борьбы»⁴⁰. Эта

³⁸ Fahlbusch M. «Wo der deutsche... ist, ist Deutschland!» Die Stiftung für deutsche Volks- und Kulturbodenforschung in Leipzig 1920–1933. Bochum: Brockmeyer, 1994.

³⁹ Fahlbusch M. Wissenschaft im Dienst der nationalsozialistischen Politik? Die «Volksdeutschen Forschungsgemeinschaften» von 1931 bis 1945. Baden-Baden: Nomos, 1999; Handbuch der völkischen Wissenschaften / Hrsg. von I. Haar, M. Fahlbusch. München: K.G. Saur, 2008.

⁴⁰ Цит. по: Voigt G. Methoden der Ostforschung // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 7. 1959. S. 1801.

междисциплинарная система возникла при непосредственном участии МВД и МИД Веймарской Германии. В среде государственных чиновников сформировалось мнение, что якобы из-за недостатка у немецких участников Парижской мирной конференции 1919 г. политико-географических знаний, а также отсутствия признанных экспертов по этому вопросу, во время обсуждения территориальных проблем с представителями Антанты им не удалось отстоять собственные позиции.

Но «национальную пограничную борьбу» вели не только научно-исследовательские институты. Классические университеты, получившие статус «форпостов немецкого духа», также не остались вне рамок «народной истории». На востоке Германии это прежде всего университет в Бреслау, где с 1929 по 1945 г., с небольшим перерывом, преподавал бывший директор Института исторического регионоведения Рейнланда Герман Аубин, а также университет в Кенигсберге, получивший признание благодаря Гансу Ротфельсу и сложившемуся вокруг него кружку молодых историков, которые в дальнейшем прославили западногерманскую историческую науку (В. Конце, Т. Шидер, Э. Машке).

Таким образом, за годы Веймарской Германии была создана институциональная среда «народной истории», и некогда маргинальный дискурс был признан научным сообществом не только в качестве инструмента национальной борьбы, но и возможной альтернативой традиционной немецкой истории идей и истории государства. Известный специалист по этнической истории немцев Эрих Кейзер (1893–1968) так определил дальнейший вектор развития исторической науки: «Вероятно в будущем останутся лишь политические историки, но не в устаревшем смысле, что каждый историк исключительно или по преимуществу будет заниматься государственной историей, но в том смысле, что он везде и всегда будет ориентировать свое исследование и свое преподавание на политические потребности своего народа»⁴¹. Уже в годы Третьего рейха «история народа» стала неотъемлемой частью немецкой исторической науки; используя изменившуюся общественно-политическую ситуацию, ее представителям удалось серьезно потеснить конкурентов в борьбе за властные и материальные ресурсы.

⁴¹ Keyser E. Die Völkische Geschichtsauffassung // Preußische Jahrbücher. 1933. S. 19.

В разговоре об инновационном характере «истории народа», во-первых, обращают внимание на изменение, по сравнению с традиционным немецким историзмом, предмета ее исследовательского интереса: не деятельность великих личностей, связанных со сферой государственной, прежде всего внешней политики, а народ, формы его конкретного существования, система хозяйства, традиции и обычаи. Во-вторых, интерес современных историографов обращен на присутствие в работах историков народа новых теоретико-методологических подходов, заимствованных из арсенала смежных дисциплин, таких как демография, статистика, этнология, лингвистика и др. Действительно, изучение социально-географического пространства, а также нравов и обычаев простого народа едва ли было возможно с использованием традиционных историографических методов. Кроме того, историческая наука в ее националистическом изводе испытала на себе влияние антропологии, когда речь шла о выявлении происхождения и создании типологии людей. Все это вело к плюрализму методов и росту количественных исследований.

С претензией на поиск изначального, не испорченного цивилизацией народа связана ориентация историков на древнюю и раннюю историю. Теперь выше ценилась средневековая эпоха в сравнении с более молодым Новым временем. Исследование обычаев и нравов требовало, кроме того, смены перспективы с истории «великих людей» к истории «простого народа», то есть к изучению доиндустриальной аграрной эпохи, население которой считалось историческим носителем немецкого национального своеобразия. Источники, необходимые для подобного переворота, невозможно найти исключительно в письменных остатках. «История народа», в отличие от своих предшественников, гораздо больше ориентировалась на материальные свидетельства (археологические находки, изобразительные материалы) и устное народное творчество. В качестве историков, в чьих трудах присутствует ориентация на новое поле исследования и желание выйти за рамки традиционных методологических работ немецкой исторической науки, чаще всего называют имена Германа Аубина (1885–1969), Отто Бруннера (1898–1982) и Вернера Конце (1910–1986), с ними же связывают и становление молодой западногерманской исторической науки.

Мы остановимся на фигуре О. Бруннера – одного из «отцов-основателей» немецкой социальной истории и истории понятий (Begriffsgeschichte), чья деятельность вызывает в среде современных историков Германии

наиболее ожесточенные споры⁴². Главной причиной подобного интереса со стороны современной историографии является его книга «Земля и господство» и ее последующая трансформация⁴³. Работа Бруннера выдержала шесть переизданий. Первые три вышли еще в период нацистской диктатуры в 1939, 1942 и 1943 г., наиболее обсуждаемое четвертое издание вышло в 1959 г. и, наконец, последние – в 1965 и 1973 г. Кроме того, относительно недавно книга Бруннера была переведена на английский язык, что сделало идеи более чем полувековой давности доступными мировой общественности⁴⁴.

О. Бруннер долгие годы служил архивариусом в Венском государственном архиве. В 1929 г. он защитил докторскую диссертацию и в 1931 г. был назначен экстраординарным профессором Венского университета – совсем не та должность, на которую рассчитывал историк. Ситуация кардинально изменилась после присоединения Австрии к нацистской Германии в 1938 г. и выхода через год книги «Земля и господство». Австрийский историк был избран ординарным профессором университета, вступил в нацистскую партию, а в 1942 г. возглавил известный «Институт австрийских исторических исследований», сменив своего наставника Ганса Хирша. Кроме того, он занял ведущие позиции в немецкой «истории народа», возглавив «юго-восточногерманское исследовательское общество».

Главная работа Бруннера производит неоднозначное впечатление, так как не представляет собой хронологически или тематически единого исследования. Собственно, эта книга состоит из пяти самостоятельных

⁴² Oexle O. G. Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte – Wissenschaftsgeschichte // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1984. Bd. 71. S. 305–341; Jütte R. Zwischen Standestaat und Austrofaschismus. Der Beitrag Otto Brunners zur Geschichtsschreibung // Jahrbuch des Institut für Deutsche Geschichte. Bd. XIII. 1984. S. 237–262; Algazi G. Otto Brunner – «Konkrete Ordnung» und Sprache der Zeit // Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft... S. 166–203; Blänkner R. Von der «Staatsbildung» zur «Volkswerdung». Otto Brunners Perspektivenwechsel der Verfassungshistorie im Spannungsfeld zwischen völkischem und alteuropäischem Geschichtsdenken // Alteuropa oder Frühe Moderne. Deutungsmuster für das 16. bis 18. Jahrhundert aus dem Krisenbewußtsein der Weimarer Republik in Theologie, Rechts- und Geschichtswissenschaft / Hrsg. von L. Schorn-Schütte. Berlin: Duncker und Humblot, 1999. S. 87–135.

⁴³ Brunner O. Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Süddeutschlands im Mittelalter. Wien, Brunn, Leipzig, Prag: Rohrer, 1939.

⁴⁴ Brunner O. Land and Lordship. Structures of Governance in Medieval Austria / ed. and transl. von H. Kaminsky and J.H. Van Melton. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1992.

частей, посвященных разнообразным методологическим и конкретно-историческим вопросам. Несмотря на довольно узкую, с хронологической и территориальной точек зрения, тему исследования, затрагивающую исключительно позднее средневековье и юго-восточные районы Германии, выводы Бруннера претендуют на общеисторическое значение. И сам немецкий историк не скрывал этого, заявляя во введении к своей книге, что «эта работа предполагает... обсуждение принципиальных вопросов немецкой конституционной истории средневековья»⁴⁵.

Анализируя преимущественно источники XIV–XVI вв., он переносит результаты собственного исследования на всю тысячелетнюю историю европейского средневековья. Для О. Бруннера нет никакой разницы, идет ли речь о временах германской древности и Великого переселения народов или об эпохе Реформации и Крестьянской войны в Германии. Вся средневековая история для него конституируется вокруг идеи германской чести и преданности, определяющей поступки и действия как аристократии, так и плебса. Австрийскому историку оказалось достаточно одной ссылки на Отто Хёфлера с его теорией германского континуитета для обоснования собственной общественной модели и демонстрации непрерывности и целостности средних веков⁴⁶.

Тематически работа Бруннера посвящена примечательному, но довольно узкому сюжету социально-политической истории средневековой Европы – междоусобной вражде (Fehde) и ее разнообразным оппозициям: миру, дружбе, гармонии. Немецкий историк обращается к «праву вражды», средствам ведения междоусобной войны, конкретным формам проявления, границам и последствиям междоусобиц. По мнению Бруннера, в рамках христианского средневекового мира не существовало разницы между «войной» и «усобицей». И первая, и вторая являлись формами борьбы за мир и справедливость, в правовом смысле невозможно разделить войну и файду. Война, вплоть до конца средневековья, не обладала специфическим значением⁴⁷. Также немецкий историк утверждал, что такие понятия, как «мир» и «дружба», «в средние века, как и в германской древности, характеризовали состояние человеческих связей»⁴⁸. Насилие в форме усобицы случалось, когда это состояние человеческих союзов нарушалось. Главной целью междоусобной вражды, в таком слу-

⁴⁵ Brunner O. Land und Herrschaft... S. 2.

⁴⁶ Ibid. S. 510.

⁴⁷ Ibid. S. 52.

⁴⁸ Ibid. S. 32.

чае, являлись «месть» и «возмездие» в отношении нарушителей с целью восстановления дружбы и мира⁴⁹. Данные утверждения должны были разрушить традиционные представления об этой эпохе как времени анархии и беззакония.

Представленная немецким медиевистом модель средневекового общества необычайно проста. По его мнению, состояние человеческих взаимоотношений в эпоху средневековья характеризовалось удивительной гармонией. Непродолжительные конфликты возникали в результате нарушения этой гармонии, но благодаря усобице и связанному с ней заслуженному возмездию в мир вновь возвращалось спокойствие. Поэтому «осуществлять месть, защищать честь, быть верным» – все то, что приходилось делать человеку, вступившему на путь войны, являлось в высшей мере справедливым занятием. Образ средневековья, представленный в книге «Земля и господство», не только радикально отличался от других господствовавших тогда представлений, но одновременно содержал собственный контрпроект Модерна, направленный на уменьшение социально-политической дифференцированности и сложности средневекового общества. Бруннер значительно гармонизировал состояние последнего, представив редуccionистскую картину мира, лишённую динамики, социальной и политической гетерогенности.

Однако в современных дискуссиях бруннеровский анализ средневекового миропорядка отошел на задний план, уступив место его критике «либерально-буржуазного разъединяющего мышления» позитивистской науки XIX – начала XX в. и связи этой критики с национал-социалистической ангажированностью самого автора. Политическое в произведениях Бруннера, как подчеркивал Кристоф Диппер, имеет «неслучайную природу»⁵⁰. Своим новым пониманием роли социальных и структурных процессов, прежде всего в истории средневековой Европы, немецкий историк обязан общественно-политической и историко-культурной ситуации, сложившейся в Германии после прихода к власти национал-социалистов. Можно привести такое высказывание австро-немецкого историка, ярче всего свидетельствующее об этом: «Политический переворот последнего десятилетия освободил нас от гнета давно готового рухнуть мира. Историческая обусловленность либерально-правового государства се-

⁴⁹ Brunner O. Land und Herrschaft... S. 32–35.

⁵⁰ Dipper Ch. Otto Brunner aus der Sicht der Frühneuzeitlichen Historiographie // Annali dell' Istituto Storico Italo-germanico in Trento. 13. 1987. S. 95.

годня стала очевидной, его претензии быть окончательной формой политического строя, из которой будут черпаться масштабы для измерения настоящего, неоправданны. Благодаря этому нам открыт путь для нового постижения прошлого и служения настоящему»⁵¹. Эпоху национал-социализма Бруннер оценивал не как «возврат к древнегерманским или средневековым формам», но все же как шанс восстановления германских структур порядка и господства в модифицированных формах⁵². По его мнению, в Третьем рейхе, как и в средневековье, благодаря национал-социалистическому «народному сообществу» (Volksgemeinschaft) был преодолен старый антагонизм государства и общества, характеризовавший эпоху либерализма.

Исходным пунктом для него явилась критика прежних позитивистских концепций отношения господства и подчинения в позднее средневековье и раннее Новое время. Большинство из них преимущественно опирались на юридические представления либеральной эпохи с ее концентрированным выражением идеи разделения общества и государства. По мнению венского ученого, выработанные после 1800 г. теории не годятся для понимания явлений иного рода, таких, например, как «средневековый конституционный порядок». Оппозиция «господство – подчинение» приобрела в наши дни, как считает О. Бруннер, идеологическую окраску и воспринимается гораздо контрастней, чем это было в средневековье, поэтому прежние исследования считали любые междоусобицы воплощением произвола и нарушением порядка. Согласно концепции О. Бруннера, власть (господство) основывалась на взаимных отношениях полномочий и обязательств.

Взаимообусловленность и взаимозависимость «господства» и «подчинения» были следствием первичных «жизненных порядков» народа, от которых так беззастенчиво отвернулась либеральная историография. «Современный взгляд, – по словам немецкого историка, – не может быть получен до тех пор, пока противопоставлены государство и власть, культура и ее отдельные стороны: право, хозяйство и т.д. Не государство и культура являются для нас предметом истории, но народ и Рейх»⁵³. Народ, в данном случае, – это не абстрактный «государственный народ»

⁵¹ Brunner O. *Moderner Verfassungsbegriff und mittelalterliche Verfassungsgeschichte // Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung. XIV. Ergänzungsband. 1939. S. 517.*

⁵² Brunner O. *Land und Herrschaft... S. 511.*

⁵³ *Ibid.* S. 515–516.

«всеобщего учения о государстве», сумма отдельных подданных или граждан, которые государственной властью и только ею объединены в юридическое единство. Народ, по словам Бруннера, «это скорее кровно и расово характеризующая действительность, которая существует в конкретном порядке народа и сознает это единство в переживании народного сообщества»⁵⁴. Немецкий историк стремился описать позднесредневековое общество как «конкретный порядок», найти, ни много ни мало, нерасчлененную «сущность» средневекового мира, его целостное состояние. Конечно же, в данном случае речь идет о принципиальном отходе от всяких рационально-аналитических познавательных процессов и концентрации на сущностном восприятии конкретной действительности, о возобладавшем в среде историков народа «целостно-интуитивном мышлении»⁵⁵. Именно для понимания этой темной нерасчлененной сущности немецкий медиевист и сформулировал свое определение «истории народа», ставшее классическим. «Ни политическая история, как одна лишь история власти, ни правовая, ни экономическая и так далее, которые лишь поверхностно объединяются в антиполитическом либеральном смысле в собирательное понятие истории культуры, но история народа (Volksgeschichte) гласит заповедь момента. Однако история народа не может быть написана без изображения внутреннего порядка народа, благодаря которому народ приобрел свою соответствующую историческую форму»⁵⁶.

Отвращение к буржуазному миру XIX в. стало для Бруннера методологическим стимулом для отказа от либеральной позитивистской терминологии и обращения к аутентичному языку источников. Вслед за К. Шмиттом Бруннер критиковал употребление любых универсальных принципов естественного права, любых несуществующих абстракций, на которых строилась позитивистская наука XIX в. Понятия «государство», «общество» или «конституция» и, в первую очередь, «разделяющее мышление», прежде имевшие нормативное, универсальное значение, воспринимались Бруннером как преходящие категории, возникшие в минувшем столетии исключительно для описания собственного устройства и неприменимые ни к какой другой эпохе. Бруннер перенял понятие кон-

⁵⁴ Brunner O. Land und Herrschaft... S. 517.

⁵⁵ Lübke A. Die deutsche Verfassungsgeschichtsschreibung unter dem Einfluß der nationalsozialistischen Machtergreifung // Rechtsgeschichte im Nationalsozialismus. Beiträge zur Geschichte einer Disziplin / Hrsg. von M. Stolleis. Tübingen: Mohr, 1989. S. 71.

⁵⁶ Brunner O. Land und Herrschaft... S. 194.

ституции, данное К. Шмиттом, под которой он понимал «конкретное общее состояние политического единства и социального порядка определенного государства»⁵⁷. Относительно влияния Шмитта на Бруннера можно сказать, что, пожалуй, никто другой так не повлиял на немецкого историка и его концепцию средневековья, как немецкий «крон-юрист», едва ли без этого интеллектуального воздействия была бы написана «Земля и господство». Влияние Шмитта прослеживается повсеместно и прежде всего в центральных категориях и понятиях, используемых Бруннером, всего того, на чем держится его конструкция⁵⁸.

Необходимо признать, что полемика против либерального словоупотребления и аналогичного видения истории включала в себя и нападки на основные принципы демократии вообще. О. Бруннер писал: «Княжеский абсолютизм был побежден. Конечно, вплоть до 1848 г. в рыхлых рамках австрийской монархии продолжали существовать земли и ландтаги, сохранился, правда, в застывшей и ослабленной форме, древний принцип “благородства и происхождения”». Либеральная революция разрушила этот фундамент, но, как оказалось, была не в силах самостоятельно сотворить прочные основания длительного порядка»⁵⁹.

После окончания войны за свою близость с нацистами Бруннер был уволен и отправлен на пенсию. Возникшее свободное время он использовал для работы над своей второй книгой, которая открыла дорогу для новой карьеры немецкого историка⁶⁰. В 1953 г. он получил приглашение в университет Гамбурга, где после ухода Г. Аубина освободилась кафедра средневековой и новой истории.

После 1945 г. упрекать либерализм в недостатках и в неспособности к образованию прочной государственности означало противоречить духу демократических преобразований. Средневековое конституционное устройство после краха Третьего рейха стало пониматься как «всесловное единство и социальный порядок». Из послевоенных изданий книги Бруннера исчезли также слова о «вождизме» и «общинности» немец-

⁵⁷ Schmitt C. Verfassungslehre. München, Leipzig: Duncker und Humblot, 1928. S. 4.

⁵⁸ О влиянии Шмитта на концепцию Бруннера см.: Algazi G. Otto Brunner – «Konkrete Ordnung»...; русский перевод: Альгази Г. Отто Бруннер: «конкретный порядок» и язык времени // Одиссей: человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2012. С. 244–279.

⁵⁹ Brunner O. Land und Herrschaft... S. 504–505.

⁶⁰ Brunner O. Adeliges Landleben und europäischer Geist. Leben und Werk Wolf Helms von Hohbergs 1612–1688. Salzburg: Otto Müller, 1949.

кого народа. Исчез вывод о происхождении политических понятий Третьего рейха из древнегерманской основы. Вместо этого осталось понятие верности вождя и подчиненных, господина и его людей; отношения этико-правовой обусловленности стали восприниматься как основополагающий принцип средневекового мироустройства. Но самая серьезная трансформация коснулась понятия «внутренний порядок народа», замененного в новом издании понятием «структура», заимствованным из работ французского историка Ф. Броделя. В свою очередь, «структурная история» стала употребляться вместо пресловутой «истории народа». И даже несмотря на эти многочисленные перемены, сам О. Бруннер смог заявить, что «в своей основе книга осталась неизменной»⁶¹.

Фактически новое рождение книги, пусть и в четвертом издании, сегодня вызывает не меньшие споры, чем персональное и интеллектуальное родство «истории народа» с социальной историей. К. Диппер назвал эту смену понятий «терминологическим камуфляжем»⁶² и вместе с Г. Альгази⁶³ и Р. Ютте⁶⁴ видел в ней лишь оппортунистическую «уступку новому духу времени», подчеркивая континуитет национал-социалистического содержания книги. В свою очередь Р. Козеллек, хотя и говорил об аргументативном континуитете главного произведения О. Бруннера, пытался нейтрализовать терминологический обмен, указывая на то, что концепт «истории народа» «в своем теоретическом заделе уже в 1939 г. был нацелен на структуры»⁶⁵.

Так или иначе, книга Бруннера вплоть до сегодняшнего дня многими воспринимается как одна из первых, написанных в традициях социально-структурной истории, а сам автор после своего доклада «Проблема европейской социальной истории»⁶⁶, прочитанного на Съезде немецких историков в Бремене в 1953 г., считается одним из «отцов-основателей» социальной истории в Германии. Только если раньше для Бруннера предметом интереса являлись «народ и Рейх», то теперь «человек и челове-

⁶¹ Brunner O. Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Österreichs im Mittelalter. 4. Aufl. Wien, Wiesbaden, 1959. S. VII.

⁶² Dipper Ch. Op. cit. S. 77.

⁶³ Algazi G. Otto Brunner – «Konkrete Ordnung»... S. 166–203.

⁶⁴ Jütte R. Op. cit. S. 239.

⁶⁵ Koselleck R. Sozialgeschichte und Begriffsgeschichte... S. 108. Anm. 4; Козеллек Р. Социальная история и история понятий... С. 35.

⁶⁶ Brunner O. Das Problem einer europäischen Sozialgeschichte // Neue Wege der Sozialgeschichte. Vorträge und Aufsätze. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1956. S. 7–32.

ческие группы»⁶⁷. «Мы постоянно должны помнить, – писал Бруннер, – о наличии по крайней мере двух пониманий “общества”, – речь идет о тотальном понимании общества и более узком, родившемся в последние два столетия, вокруг которого как раз и происходило формирование социологии и социальной истории начала XX в.»⁶⁸ И в Англии, и во Франции, отметил автор, социальная история существует и успешно развивается. В качестве примера он приводит книгу Ф. Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II», а также английского историка Д. Тревельяна, с его пониманием социальной истории «как истории народа, из которой исключена политическая история»⁶⁹. Бруннер писал: «У нас также говорили об истории народа, истории порядка народа», которая ориентировалась на то, «что здесь понималось под социальной историей, историей внутренней структуры человеческих групп...»⁷⁰. Таким образом, националистическая история народа неожиданно стала обсуждаться как немецкий вариант общего мирового тренда, а европейская социальная история как аналог истории народа. На существенную, даже принципиальную разницу прежде всего с подходом французской школы Анналов, никто не обращал внимание.

Для Бруннера социальная история – это не столько «определенная область исследования», сколько синтезирующий «способ, аспект рассмотрения людей и человеческих групп в их совместном проживании, в их социализированном состоянии»⁷¹, на переднем плане подобного способа рассмотрения находится структура, то есть «внутреннее строение» общества и «человеческих союзов»⁷². Социальная история в подобном синтезирующем варианте принципиально отличалась от того типа социально-хозяйственной истории, который зародился в Германии еще на рубеже веков и занимал откровенно маргинальное положение, не имея возможности конкурировать с господствующей в немецком историзме политико-дипломатической историей⁷³. В своем новом облики социально-

⁶⁷ Ibid. S. 7.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ См.: Тревельян Д.А. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М.: Иностранная литература, 1959. С. 15.

⁷⁰ Brunner O. Das Problem einer europäischen Sozialgeschichte... S. 7–8.

⁷¹ Ibid. S. 7.

⁷² Ibid. S. 9.

⁷³ Начиная с 1893 г. в Вене выходил «Журнал социальной и хозяйственной истории», сменивший в 1903 г. часть редколлегии и получивший новое название «Ежеквартальник социальной и хозяйственной истории».

структурная история должна была выступить в качестве механизма, соединяющего сферу социального и политического, а точнее, поднимающего социальное до уровня политического. Бруннер замечает, что «ни один из двух способов рассмотрения не может обойтись без другого... Действия сообществ нельзя понять без знания их внутреннего строения, так же как нельзя понять относительно длительные структуры без политических событий»⁷⁴. Как видим, тяга к устранению разобщенности мира и способов его познания сохранилась у Бруннера и после краха национал-социализма.

Вернер Конце, основатель «Рабочей группы по современной и социальной истории», перенял у Бруннера не только само понятие «структура», но и понимание роли социально-структурной истории не как очередной субдисциплины, а как синтезирующего проекта. «Общество, – по его мнению, – следует всегда рассматривать как определенную структуру. Поскольку же ни одно общество немислимо без власти, а власть определяется существующим строем, социальная история и история государственного строя должны тесно сблизиться и “даже стать неразрывным целым”». Рассмотрение их в отрыве друг от друга ведет к неадекватному отображению исторической действительности. Наоборот, подход к ним как к единому целому не только предотвращает возможность такой неадекватности, но и приводит к стиранию противоречий между социальной историей и так называемой “политической историей”»⁷⁵.

Попытки подобного преодоления «разъединяющего мышления» многими сегодня оцениваются как прообраз *«histoire totale»* в ее современном варианте, если сравнивать социально-структурный подход Бруннера и Конце с представлениями о синтезе французских историков-анналистов⁷⁶. Но восприятие целого у Блока и Февра скорее роднит их с тем подходом первых десятилетий XX в., от которого историки народа решительно отвернулись. Именно обращение к культуре как «тотальности», «всеобщей совокупности деятельности человека во всех областях жизни», связанное, по мнению О.Г. Эксле, с Г. Зиммелем, М. Вебером, А. Вар-

⁷⁴ Brunner O. Das Problem einer europäischen Sozialgeschichte... S. 9.

⁷⁵ Цит. по: Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // Thesis. 1993. Вып. 1. С. 170.

⁷⁶ Pats of Continuity... S. 6, 294.

бургом и другими немецкими интеллектуалами начала XX в., определило вектор развития современной исторической науки⁷⁷.

Помимо тяги к преодолению «разъединяющего мышления», Бруннер также сохранил свое прежнее скептическое отношение к возможности использования научно-исторических понятий, выработанных позитивистской наукой XIX в. Он продолжал настаивать на том, что понятия и модели XIX в. не годятся для анализа прошлого, прежде всего средневекового. «История понятий» как методологический подход из арсенала социальной истории приобрела в послевоенных сочинениях О. Бруннера свой законченный вид и, что самое главное, избавилась от своих националистических родимых пятен. Конечно, обращаясь к современной «истории понятий», в первую очередь вспоминают Р. Козеллека (1923–2006), зачастую игнорируя вклад других основоположников одного из самых востребованных на сегодняшний день гуманитарных направлений. Для подобной оценки есть все основания. После смерти своих старших коллег Козеллек в одиночку редактировал и закончил многолетний амбициозный проект издания восьмитомного «Исторического лексикона» (1972–1997)⁷⁸. Несмотря на то, что в «Лексиконе» перу Бруннера принадлежит всего одна статья «Феодализм», его роль может рассматриваться не только как покровительственная. В основу самой концепции издания положен сформулированный Бруннером методологический подход о принципиальном несходстве целостного общества «Древней Европы» и расколотого современного общества Модерна. Знаменитое «переходное время» (*Sattelzeit*), введенное в оборот Козеллеком, лишь очерчивает рубеж между двумя кардинально различными эпохами.

Скептическое отношение Бруннера к интеграционному потенциалу буржуазного общества XIX в. никуда не исчезло. Ни сам национал-социализм, обещавший восстановить утраченное единство общества и государства посредством тоталитарной утопии «народного сообщества», ни его катастрофическое крушение не решили проблему разобщенности современного мира, а придали ей еще более актуальный характер. К тому же национал-социалистическое господство само стало частью проблемы, отражением фундаментального кризиса современности. Поэтому отка-

⁷⁷ Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001. С. 176–198.

⁷⁸ *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. 8 Bände. Stuttgart: Klett-Cotta, 1972–1997.

зываются от старых теоретико-методологических подходов, пусть и высказанных в нацистский период, не имело никакого смысла.

Ответ на вопрос о связи «истории народа» с социально-структурной историей 50-х гг. XX в. и современной исторической социальной наукой не такой однозначный. Он связан не только с прояснением идейной ответственности старых и новых подходов к историописанию, выяснению категориального и понятийного родства двух теоретико-методологических направлений. Не менее важным представляется прояснение общественно-политического и интеллектуального контекста, сделавшего возможным, несмотря на «немецкую катастрофу» 1945 г., персональный и когнитивный континуитет между эпохой Третьего рейха и историографией Западной Германии. «Нулевой час», с которого якобы начала свою историю молодая Федеративная республика, оказался хорошим пропагандистским мифом и не более. После кратковременного отстранения некоторых историков от преподавания в Германии и Австрии из 110 заведующих кафедрами истории сколько-нибудь серьезно денацификация коснулась только 20. Но даже те, кто был отстранен от преподавательской деятельности, уже после 1951 г. смогли вернуться на свои места, в том числе приверженцы «истории народа». Лишь незначительное число историков навсегда были лишены права преподавания в государственных учебных заведениях, что, впрочем, не помешало многим возглавить муниципальные исследовательские учреждения, различные фонды и редакции журналов.

Денацификация затронула прежде всего политические и идеологические взгляды историков, объявив национал-социализм и идеологию фелькише преступными. «Стиль мышления» историков 30–50-х гг. XX в. и алгоритм их научно-исследовательской практики остались нетронутыми. Именно этот когнитивный континуитет предопределил разительное сходство националистической «истории народа» с послевоенной структурной историей, которая сохранила в своем арсенале очень многое из наработок своей предшественницы. Данные подходы роднит дисциплинарная открытость: историки народа стали первыми в Германии, кто в больших масштабах реализовывал междисциплинарные проекты. Предмет их научно-исследовательского интереса также позволяет говорить об определенном родстве: в рамках обоих подходов произошел отказ от традиционной для немецкой историографии концентрации на политической

сфере жизни общества и обращение к разнообразным историческим формам социальности. Наконец, обоим направлениям свойственно самое серьезное отношение к проблеме понятий и ориентация на использование аутентичного языка исторических источников.

В то же время после 1945 г. большинство историков, в том числе и бывшие апологеты «истории народа», стали строителями новой демократической исторической науки. Произошедшая трансформация связана с изменением политического контекста исследований, исторические работы больше не находились под воздействием национал-социалистической идеологии и не использовались в борьбе с европейскими соседями. После крушения Третьего рейха политически было невозможно отстаивать псевдонаучный детерминизм фелькишской философии. Историческая наука открылась в отношении демократического плюрализма мнений (совершенно неважно, в данном случае, произошло это по доброй воле или принудительно, с изменениями политических убеждений историков или без этого).

Историко-философское наследие «истории народа» стало однозначно восприниматься как псевдонаучное и антигуманное. В силу произошедших в обществе перемен воспринимать народ как категорию, определяемую через «кровь и почву», было совершенно невозможно, и сами авторы, переиздавая свои труды, осознавали это. Сходство послевоенной социально-структурной истории и «истории народа» проявлялось в их образе действия: и та, и другая рассматривали собственные объекты с разных сторон, ориентируясь на синтез, с привлечением сравнительных и междисциплинарных методов, но вот выводы они делали совершенно разные. Для «истории народа» результат был известен изначально и определялся ее основными познавательными категориями, в то время как структурная история была открыта для множества ответов и выводов.

По своим целям и задачам «история народа» не была «пионерской» для последующего развития исторической науки и потому не являлась прогрессивной. Действительно, тяжело назвать прогрессивным того, кто сотрудничал с нацистами, а современным того, кто пропагандировал архаичные цели. Современной «история народа» была в том смысле, что пыталась найти решение проблем, связанных с индустриализацией, урбанизацией и возникновением массового общества и человека. Но искала она их не в актуализации данных перемен, а в идеализации сельского образа жизни, романтическом возвеличивании человека почвы. С философией и научной методологией первых десятилетий XX в. «история на-

рода» не имела ничего общего. Своим возникновением она целиком и полностью обязана реакции на современную философию. Псевдонаучный материализм «истории народа» требовал, чтобы понятия «народ», «кровь», «народная душа», «народное тело» (и схожие с ними) воспринимались по аналогии с природными процессами, действующими вне воли и желания отдельных субъектов и всегда приводящими к закономерным результатам. В этом отношении «история народа» не была современной, напротив, она должна восприниматься нами как консервативное направление, восходящее к философии XIX в. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что не только националистическая идеология задавала свои цели исторической науке, но многие цели вытекали из центральных категорий самой псевдонаучной методологии, на которой зиждилась «история народа». Убеждение, что идеальные ценности заложены в биологической природе человека, действовало на сторонников «истории народа» как теоретико-познавательная смирительная рубашка.

Социально-структурная история 50-х гг. XX в. явилась попыткой мягкого реформирования основ немецкого историзма, осторожного расширения предметного поля исследования, для защиты собственной дисциплинарной идентичности в отношении соседних социальных наук, с одной стороны, и методологических подходов истории Анналов и марксизма, с другой. Именно это мягкое реформирование сделало структурные подходы Бруннера и Конце приемлемыми для основной массы представителей немецкой историографии и создало тем самым «шлюз» для проникновения иных социально-исторических подходов⁷⁹.

Представители молодой генерации западногерманских историков, и прежде всего Г.У. Велер и Ю. Кокка, объединившиеся в 1975 г. вокруг журнала «История и общество» с целью формирования собственного варианта исторической науки как «исторической социальной науки», выиграли от подобной «открытости» структурной истории, но, в отличие от собственных учителей, с наследием «истории народа» их больше ничего не связывало. Напротив, современная социальная история Германии характеризуется такими признаками, которые в «истории народа» не играли практически никакой роли. В социально-исторической программе, вы-

⁷⁹ Conrad S. Auf der Suche nach der verlorenen Nation. Geschichtsschreibung in Westdeutschland und Japan. 1945–1960. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999; Jin-Sung Chun Das Bild der Moderne in der Nachkriegszeit. Die westdeutsche «Strukturgeschichte» im Spannungsfeld von Modernitätskritik und wissenschaftlicher Innovation 1948–1962. München: Oldenbourg, 2000.

двинутой Велером и Коккой, важное место занимали четыре эвристических принципа нового понимания социального в науке: во-первых, интенсивная рецепция идей М. Вебера, чей социологический анализ в общем и целом не был принят предшествующей историографической традицией; во-вторых, внимание к произведениям О. Хинтце и Э. Кера, представивших первые примеры синтетического историописания; в-третьих, избирательное восприятие марксистских идей и отказ от предрассудков в отношении исторического материализма; и, наконец, обращение к объяснительному потенциалу социально-политических учений, заимствованных из смежных научных дисциплин, прежде всего из теории модернизации.

В то время как новейший вариант социальной истории в Германии обращается преимущественно к анализу процессов становления и трансформации индустриального общества, его движущих сил и конкретных форм существования, националистическая «история народа» двигалась в совершенно противоположном направлении, пытаясь осветить время господства «народной энергии», заслоненной впоследствии обществом и государством. Скептическое отношение к современности, вплоть до открытой вражды с ним, с комплексом его социальных и экономических компонентов, с городским образом жизни были для «истории народа» конституитивными. В соответствии со своими исходными антимодернистскими позициями, указанные историки обращались и к соответствующим социальным теоретическим моделям, прежде всего к концепции Г. Фрейера о «революционном становлении народа», агроцентристской социологии Г. Ипсена и попыткам преодоления «разъединяющего мышления» К. Шмитта.

Тот факт, что историки народа неоднократно обращались к материальному состоянию общества, а также к жизни широких масс, не должен восприниматься как стремление к формулированию новых прогрессивных научных подходов. Профессиональный интерес к социально-экономической и ментально-культурной стороне повседневной жизни народных масс, а также к жизненным обстоятельствам низших слоев общества, к так называемым «маленьким людям», не являлся для них первоочередным. Познавательный интерес историков 20–40-х гг. XX в. был направлен не на само общество, а на географическую динамику различных проявлений этого общества как внутри определенного пространства, так и вне его. Такая географическая и даже геополитическая ориентация отличает историков народа как от современной «исторической

социальной науки», так и от развиваемого в 20-е гг. XX в. в соседней Франции социально-исторического направления школы Анналов, интересовавшихся «пространством» лишь как оболочкой для социальных процессов⁸⁰.

Кроме того, утверждать категорически, что лишь благодаря «истории народа» в немецкой историографии зародился междисциплинарный подход, нельзя. Представители старого поколения немецких историков, сторонников историзма Леопольда фон Ранке, создали в Веймарскую эпоху необходимые условия, в которых стала возможной дисциплинарная и методологическая открытость исторической науки. Это прежде всего Отто Хинце и Фридрих Мейнеке, а также их многочисленные ученики, вынужденные в годы нацизма эмигрировать из Германии.

Наиболее негативную реакцию тезис о континуитете между «историей народа» 20–40-х гг. XX в. и послевоенной социальной историей вызвал у представителей «исторической социальной науки», и прежде всего у Г.У. Велера. Резкость, с которой заслуженный историк выступил против высказанных догадок, можно понять, только если предположить, что он трактует данные сомнения как попытку дискредитировать социальную историю вообще и Билефельдскую школу в частности⁸¹. Немецкий историк оспаривал существование какой-либо связи с «историей народа», заявляя, что западногерманская социальная история возникла под влиянием эмигрировавших либерально-демократических историков Г. Розенберга и Э. Кера. Отвергая любые домыслы, он фактически выстраивает иную континуальную линию преемственности социальной истории, которая, по его мнению, восходит к левой социально-политической традиции, не запятнавшей себя сотрудничеством с нацистами.

В центре дискуссии, развернувшейся в рамках современной немецкой историографии, оказались историки, чье рождение пришлось на кайзеровский период немецкой истории, профессиональное становление на эпоху Веймарской республики, а первое признание – на этап нацистской

⁸⁰ Oexle O.G. Was deutsche Mediävisten an der französischen Mittelalterforschung interessieren muss // *Mittelalterforschung nach der Wende 1989* / Hrsg. von M. Borgolte. München: Gruyter, 1995. S. 89–122; Schöttler P. Das «Annales-Paradigma» und die deutsche Historiographie (1929–1939) // *Nationale Grenzen und internationaler Austausch. Studien zum Kultur- und Wissenschaftstransfer in Europa* / Hrsg. von L. Jordan und B. Kortlander. Tübingen: Niemeyer, 1995. S. 200–220.

⁸¹ См. интервью Г.У. Велера: *Versäumte Fragen. Deutsche Historiker im Schatten des Nationalsozialismus* / Hrsg. von R. Hohls, K. H. Jarausch. Stuttgart, München: DVA, 2000. S. 256–258.

диктатуры Третьего рейха. Пожалуй, ни одно другое поколение не переживало изменение политического режима государства так часто, как родившиеся в Германии в конце XIX в. Научные биографии этих историков поставили перед историей науки несколько серьезных проблем, прежде всего проблему соотношения континуитета и цезуры в эволюции самой исторической науки. На примере немецкой исторической науки XX в. мы видим, что одни и те же личности, демонстрируя на протяжении жизни удивительное постоянство своих политико-идеологических и когнитивных диспозиций, нередко становились родоначальниками новых подходов, школ, направлений, радикально изменивших научный ландшафт. Мы не сможем понять историографический процесс, если будем его рассматривать исключительно в категориях преемственности, отождествляя накопление научного знания с биологическими этапами жизни человека, объясняя любую новацию развитием уже имевшихся потенциалов. В таком случае у любого нового теоретико-методологического подхода можно найти предшественников, если не в Древней Греции, то уж точно в Древнем Риме. «Новационность» или, напротив, «консервативность» того или иного научного направления определяется не в момент его возникновения, а значительно позднее, когда происходит его включение в уже имеющиеся линии преемственности. А это как раз и является объектом острой борьбы последователей, которые, выстраивая ряд собственных предшественников, фактически учреждают новую исследовательскую традицию, объявляя ее прогрессивной и новаторской, при этом отказываясь признавать таковыми построения своих конкурентов.

Препринт WP6/2014/01
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Хряков Александр Васильевич

**«Коричневые корни» социальной истории в Германии:
«история народа» и немецкий национализм**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 2,5
Усл. печ. л. 2,4. Заказ № . Изд. № 1589

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»